

422 год н. э. Восточную Византию облетел вестник о чуде. Даже среди множества чудес того времени, в том числе и шуточных, это чудо было слишком уж при громком числе свидетелей. Удостовериться в произошедшем тогда потребовалась жесть император Феодосий Малый.

Торетий же делал брызги с водой и брызгой. Победитель тот ушел в ряды торговцев шерстью и полоником и пропал в битых восьми тенях. Над головой лачки Торетия и соседней, торгующей лавром и специями, стоят двенадцать шестов, которые бросают тени на крыльцо рядов на восточном склоне рынка. По теням этих шестов уже давно принято считать время. В редкие же дни дождей солнечный Эфес, как и все Восточное Средиземноморье, зажигает мсланные часы. Сейчас они не требуются. Солнце сушит лепешки Торетия Курпи, до второй волны покупки телей еще целая линия тени. Где-то далеко-далеко, наверное, у пристани, кричат рыбки, но звук их голосов долетает сюда только бессвязными « - - » и не поминанием о соленых сетях и корзинах под вечерний вынос блестящей жирной рыбы.

Сосед Торетия, торгующий слюдами, дремлет в тени невесел. Другой сосед — сприв, взявший брынину с ледника, похоже, нечинит нервничать — ему обещали большие закупки: у менялы их рынок вчера родился

внук, он обещал угощение не только родственникам... Но в целом торговля не идет. Все-таки много мужчин ушло на войну с персами. Армия Восточной Византии всего в двух днях пути по Анатольскому побережью.

В белом от выжженного песка проходе между лавками и рядами тишина и полный покой: спят куры в загородах, спят собаки в томном полудне. Только вонмелычик какой-то появился. Идет, оглядываясь, не местный, что ли...

Мелычик, невидящему было лет двенадцать-тринадцать, подошел к лепешкам Торетия:

— Здравствуйте, уважаемый. Сколько стоит в шелешек?

— Диобол... Двухдремм и бери пять.

Мелычик протянул монету, Торетий, взяв ее в руки, оглянулся и прислушался к дальним крикам рыбьего причала. Мелькнула мысль: может, кто-то с дальних морей причалил и он, Курпи, непроизвольно понял крики рыбаков. В руке его сверкала серебряная дидрахма с чеканными Августом и Агриппой. Такие монеты могут завестись только из Мезии или из Фивиды к какому-нибудь полуробиничью брыку. Такие монеты давно не в ходу. Еще дед и прадед Торетия платили серебром этих денег на украшения, отдавали их ювелирам на перер-

ботку, получ я вз мен пригоршни медных х лков, н которые их импер тор Феодосий Ст рший позволял з куп ть мелкий скот у гн вших его из Т вриды ссирийцев и гол нитян.

— Ты откуд ? Д вно прибыли? — осторожно и дел но р внодушно спросил Торетий, скл дыв я стопочку лепешек. — Тебе д леко идти? Не уронишь?

— Я местный... И мвлихом меня зовут. Родители мои и дедушк в глиномес х, н сушильне...

— К ких глиномес х? Их у н с четыре...

— Ув ж емый, вы меня простите... это к кой город? Я будто во сне... Это Эфес?

Торетий взял крепко м льчик з руку, бл го с лепешк ми тот просто уже не смог бы беж ть.

— Ты где кл д н шел? Ты з чем врешь? Ты чей?

Р зговор м льчик и торговц ст новился громче обычного. Сосед слев , торговец сл достями, вст л со своего див н , выглянул из-з груди сушеного перц торговец по ту сторону рядов н против... Через несколько минут вокруг Торетия и И мвлих стояло несколько мужчин. Они по очереди вертели в рук х монету, н стойчиво требов ли ск з ть, откуда он и чей. И мвлих пыт лся пояснять, но его ответы р здр ж ли торговцев, он будто др знил их, он говорил о людях, которых нет. Он говорил о городе, которого торговцы не зн ли. И если бы И мвлих в своих пояснениях не ссыл лся н хр м Артемиды к к н место, н которое можно ориентиров ться, то можно было бы подум ть, что он говорит вообще о другом городе. А еще один из торговцев з метил, к к прист льно смотрит м льчик н его крест н груди...

— Что т к смотришь? Ты зн ешь Христ ? Ты — христи нин?

М льчишк словно приготовился к уд ру, было видно, что он н прягся и внутренне собр лся, к жется, он д же что-то прошепт л про себя. Может быть, это был молитв .

— Д , я — христи нин. — И через п узу, н хмутив по-взрослому бровки, спросил: — И вы? Или это к кое-то укр шение?

Мужчины почувствов ли в слов х м льчик к кую-то н дежду н вменяемый ответ их любопытству. «Крестносец» истово перекрестился:

— Вот, истинно говорю — христи нин я. Сл в Отцу и Сыну и Святому Духу!

— И я христи нин, д сл вятся дел постол н шего Ио нн ... — Другой мужчин пок з л крупную т туировку крест н з пястье руки.

Это были дв шр м , з литые когд -то фист шковым экстр ктом и посиневшие со временем. Но крест н руке был явно рез н специ льно и с попыткой «кр сивости» резьбы. Перекрестился и м льчик. Он был взволнов н.

— Вы меня к священнику отведите тогд . — Он сглотнул, похоже, д вя в себе слезы. — Я ему ск жу...

М льчик вели по белым улиц м Эфес , он огляды в лся н кресты и миноры в окн х домов, в н черт ния н ворот х святого р спятия и рыб, в гром дную стройку Б зилики и Агоры. И мвлих, к жется, пор ж лся не стройк м, но новым величин м город , именно открытым крест м. Жители Эфес , всего дв дц ть лет н з д оконч тельно р зрушившие хр м Артемиды, еще не зн ли, что город ждет потрясение большее, чем пож р Геростр т , учиненный семьсот лет н з д.

Солнце еще не потеряло дневного ж р , еще дрем ли в дневном отдыхе строители под лес ми новых хр мов и величественными колонн ми Б зилики, когд от дом священник Мелетия уже гром дн я толп числом до ст человек спешил по улиц м з город, вовлек я с собой новых любопытных и рожд я слух з слухом. По городу р знесл сь весть о чуде: о м льчике, пришедшем с других времен...

...Он говорит о к знях христи н при импер торе Декии...

...Он р сск зыв ет о Трифоне усеченном при Аквилине...

...Он говорит, что они христи не...

...Что их семеро в пещер х...

...Что они от к зней спрят лись... И что в городе при них людей было больше, но все боялись готов... Когд ж те готы были — при б бке дедки моего дедки...

Господи! Д куд же вы все?!

Торетий Курпи свернул тов р в полотно, ост вил при см трив ть дочерей, с м ушел с всполошенным рынком. Толп спешил к пещер м. У склонов белой горы с з - рослями чигоры и кип рисовик , по ст рым троп м, где сейч с только п стухи окрестных селений порою гоняли ст д коз и овнов, толп ост новил сь. «Где? Где они — твои друзья?» — чит лось в гл з х мужчин и п рней, двух девушек, пошедших со ст ршими бр тьями и ди конисы общины отц Мелетия. Где? Где они? Не т м ли, где д леко-д леко, з изгиб ми склонов, в половине дневного переход от этих ст рых пещер крош т ск лы к менотесы? Но их и не видно отсюд , и не слышно.

И мвлих пригляделся к з рослям вокруг и свистнул. Потом громко, еще громче крикнул:

— Экс кусто! Дионисий! Это я! Со мной люди... Хорошие люди! Они христи не! Не бойтесь!

Толп эфеси н и с м И мвлих н пряженно взгляды в лись в тихие з мершие склоны.

— Э-э-эй! — не в сил х выдерж ть з тянувшейся тишины, еще р з крикнул м льчик.

Кусты н склоне дрогнули, и н дними вст ли юноши — один, дв , три.. шестеро... И с м И мвлих — всего семеро. «Семеро не смогут обм нуть, з пут ются», — успокоенно, и не без ехидцы про себя, подум лиерей Мелетий, мужчин средних лет, чернобровый, с высоким горб тым носом, ун следов нным от б бки, привезенной когд -то из Колхиды лихим морским торговцем-дедом.

М лычки, ст ршим из них было лет по шестн дц ть (мл дшим ок з лся к к р з И мвлих, н зв вший свой возр ст «через июлий будет трин дц ть»), были испуг ны, объяснения мл дшего тов рищ , что в городе м ло людей и что все пришедшие пришли помочь, явно вызы в ли у них недоверие. Они стояли плечо к плечу, словно сторонясь от с мого И мвлих и уж тем более от толпы и всего этого открытого простр нств . Н конец торговец Торетий Курпи, чувствуя, что здесь что-то нел дно, пошел простым житейским путем:

— Д в йте-к , отроки, вы свои имен н зовите. Все-т -ки перед в ми люди пост рше в шего...

П рни пож ли плеч ми, переглянулись. О чем-то перешепнулись между собой.

— Я М ксимили н, сын Олрих -гр дон ч льник , — выступил вперед русокудрый отрок с крупной родинкой н плече.

Он смущенно попр вил р зодр нную н кидку и пояс, явно пыт лся слегк отст вить ногу с болт ющимися ремнями с нд лий.

Толп з гудел , ибо не было у них гр дон ч льник Олрих . З гудел , но в глубине толпы взметнул сь рук ст рик : «Ал , л ! Олрих был! Он былт к д вно, что... Он жил во времен дедов моих дедов!» Но все уже слыш ли, все уже зн ли и хотели еще больше зн ть, что видят чудо, н стоящее чудо. И мвлих успел кое-что р сск з ть... Вечером неслись вс дники в Конст нтинополь, после вечерней службы собир лось рхиерейское собр ние, н которое пригл ш лись и Торетий Курпи, и священник Мелетий, и с мые ст рейшие ув ж емые гр жд не Эфес книжники-к ллигр фы, одному из которых — Ниверу Г ю Тулу — было под сто лет. «Господь воскреш ет мертвых! К к к К ифе по воскрешении Господ н шего Иисус Христ пришли, из д восст в, бр тья М кк вей с м терью их, т к и к н м из небытия пришли к зненные при импер торе Декии! Они 172 год были мертвы, те-перь воскресли и пришли проповедов ть н м бессмер-тие!» — У б зилики Успения Богородицы чуть ли не трубили военные трубы.

Во всяком случ е, почти весь ост вшийся г рнизон Эфес стоял в оцеплении, сдержив я дв дц титысячную толпу, ожид ющую вестей с собр ния. Уже все зн ли подростков, вышедших из глубины веков, по имен м: И мвлих, М ксимили н, Дионисий, Ио нн, Антонин, М ртини н и Екс кустоди н — семеро!

В толпе шушук лись. Вдогонку невероятным слух м приходили новости, новые слухи и еще новости. Вот облетел толпу молв , что в р зобр нной пещере, откуда отроки вышли, н йдены две оловянные пл стины с н дписями. Их цитиров ли: «Здесь з живо погребены отроки Эфесские М ксимили н, И мвлих, Дионисий, Ио нн, Антонин, М ртини н и Екс кустоди н прик зом Импе-р тор Декия з дерзость и не исповед ние Геня, но з хульные проповеди иудейской ереси о Человеке-Боге-

Судии. б индикт , 5760». И д же подписи сост вителей тех т блочек были известны теперь всему христи нскому Эфесу: «Феодор» — был н дпись н одной оловянной пл шке, и «Руфин д», н верное, дьяк, но может быть и воин — «дек рх», что было во времен Декия чем-то вроде унтер-офицерского чин .

В перистиле дворц гр дон ч льник Эфес Софрония с входом, укр шенным двойной ркой и бронзовыми лош дьми, со стороны пристройки-опсидии н возвышении сидели четыре епископ , несколько священников, з нятых явно документ ми и выполняющими одновременно роли курьеров, р спорядителей, з одно и службы спр вок и консулт ций.

Н с мой открытой г лерее р сс женные в дв ряд вдоль стены и в ряд у колон сидели торговцы с рынк , предст вители стр жи, к менотесы, р збир вшие пещеру, почти половин из тех, кто присутствов л при первой встрече с м лычик ми, т кже гл вы зн тных семейств Эфес — всего ж было присутствующих около двухсот. С ми отроки сн ч л стояли у ног епископов, потом им р зрешили сесть, и они прилегли у ступеней к подиуму.

З сед ние слуш ния свидетельств шло уже второй торма, деления н м сляных ч с х обн жились дв жды.

— Т к вы говорите, что отроки сии мясо есть отк з лись? — спросил один из епископов, глядя н свидетельствов вшего со стороны «первых встретивших», Торетия. — И что ж они ели? Только лепешки? Воду?

— Мед, в ше преосвященство... Мед, и один из них попросил рыбу... Печеную рыбу, он был н ж ровнях при ворот х у одного н шего бл гочестивого горож нин , когд мы в ходили в город от пещер...

Епископ кивнул к ким-то мыслям в себе, повернулся к вл дыке ошуя себя и что-то шепнул ему. Но то, что шепт ли друг другу епископы, уже вовсю громко говорил толп н улице: «Христос по воскресении тоже ел только мед и печеную рыбу... Христос по воскресении тоже про-сил не трог ть его, не приближ ться слишком близко...» Н руке И мвлих был синяк, похожий н ожог, — это то место, з которое схв тил его н рынке Торетий. Другим м лычик м повезло больше. Они были совсем невредимы, потому что И мвлих своими болями в руке и н глядно пок з л, что трог ть их не н до.

— Общество готово свидетельствов ть появление сих отроков от первого мгновения до встречи с собр нием? — з д л вопрос епископ, обр щ ясь к г лерее, при этом опять, будто вспомнил что-то, шепотом обр тился к соседу: «Послуш йте, Святейший, их естественные н добности кто-нибудь проверит? Пусть уж проверк будет совсем от льф до омег ...» «До бсурд уж не доводите, ув ж емый... Вы еще их экскременты в ковчезки поместите. С в с ст нется, Intelligenti pausa («для поним ющего дост точно и немногого» — л т.)», — ехидно отбрил второй епископ.

Собрание свидетельствовало о чуде единогласно и громко. Мельнички сидели притихшие, но не испуганные, улыбаясь чему-то только им понятному. Они иногда перебрывались с друзьями, но вопросы людей, почтеннейшего собрания и с михи епископов отвечали кратко и только по существу:

— Вы считаете, что выспались одну ночь?

— Да.

— Вы боялись крестов?

— Да. Но были уже готовы умереть за имя Христово.

— Много было христиан в Эфесе времен Декия?

— Не знаю. Я помню три общины — одну римскую, иудейскую, две у глиномесов и у рыбаков, — отвечал Мксимилан. — Но, наверное, были еще...

— Кто был в шествии священник?

— Настоятель Петр, потом его убили, был еще некоторое время мой тезка Мксимилан...

— Кто убил Петра и за что?

— Он был гот. Готы и убили, донесли им, что он христианин.

— Как готы могли убить, если они Эфес разрушили уже тогда, когда выспались?

— Там в армии же полно готов-немцев. У них с целые экскубиторы были у ламитов из одних готов.

Даже епископы не знали и знать не могли названия подрезаний и неродные названия войск союзников... Впрочем, по разговору потом выяснится, что «ламиты — это ламиты, союзники — это еще отдельное понятие определенных войск». Допрос продолжился. Уже было понятно и епископам, и чиновничьей чести собрания, что вельможи императора Феодосия Клиффа не обвинят их в «пустом шуме с подлогами ересей», как в таких случаях только последние несколько лет раздувались со скандальными и клеветными фокусниками. Тут были отроки союзниками и свидетелями, как не знали и старейшины, и дитяницы оловянные — тоже ведь свидетельствуют, и все новые и новые детали жизни Эфеса почти двухсотлетней давности все продолжают рассказывать эти отроки...

— Почему ты отказался поклониться Гению? Ведь это же не языческий бог, только статуя Императора... — с хитрецой спрашивал епископ Илоим, пощипывая винограда с подноса.

Он, уличенный в герметических еreseх когда-то двадцать лет назад, все еще исподволь доказывал своим

братьям и сестрам по вере, что то было не вероучение Гермеса Тризмегиста, любовознательность и стремление к знаниям. Ко всему прочему и до было ему и потщались витьею верностью Риму через почитание триады и знать истории.

— Это было статуя в Духе противном Христу, — скромно отвечал Мксимилан, — ибо императоры умирали, Гении их оставались для поклонения, как к бесам...

Собрание зивало головами. С несколько притворным удивлением к ответу, и хмурив густые лобные брови, поспешил кивнуть и епископ Илоим.

На следующий день отроков повезли в Константинополь. Предание сохранило для нас, что с императором беседовал с ними тихой беседой, дивясь чуду. И что еще в XII веке русский паломник Антоний, побывавший у Святого Афона, изложил в том числе и в Эфес, где поклонился мощам отроков, упокоенным в той же пещере, откуда они и вышли...

После того, как отроки Эфесские из свидетельствовали себя в многолюдном собрании Эфеса, после того, как с ними беседовал император (Феодосий Младший прослышал, кстати, в истории как книжник, сделавший много для переписывания книг, что сохранило для истории много культурных памятников); после всего этого — три или четыре дня спустя — Имвлих, Мксимилан, Дионисий, Иоанн, Антонин, Мартини и Экскусти легли, как и положено после вечерней молитвы, спать. Но уже не всегда... Теперь они словно догнали за одну ночь свои сто семьдесят два года.

А восемь лет спустя, в 430 году, и открывшемся Втором Вселенском Соборе случился с отроками обсуждался отдельным собранием. И епископам нетрудно было догадаться в своих боговдохновенных беседах, что Господь явил чудо потому, что в уста вшем от отчаяния потерь и войн народе пропала вера в бессмертие, в жизнь вечную. Еще бы — каждое поколение хоронило молодых и сильных, детей и стариков в бесконечных войнах, и бегство в равнины с сарацинами. И не было смертям конца, и слава вера — для чего же это все, Господи?!

А у Бога смерти нет. И время у Него течет совсем не так, как в наших календарях и час принято. И сто семьдесят два года могут быть сном одной ночи, и одна ночь может быть долей пыткой на тысячу лет.